

Глава 18. События, развернувшиеся вокруг письменного стола. Начало

На следующий после Чжэнданя день уже уместно все, включая и ссоры.

Когда произошло это событие, Шаошан занималась каллиграфией. Написав, потом бросала взгляд, сравнивала написанное с образцом, правильно ли вывела все черты? Потом опять сверяла с образцом, и от утомления у нее обильно потел лоб. За все эти дни она заметила и даже осознала, что эти иероглифы, по-видимому, все же недалеки от пиктографического письма, каждый иероглиф был как будто немножко похож на примитивный рисунок. «Вода» – это несколько извилистых линий, похожих на течение воды, «река» – это вода и сбоку жилища с горами и лесом, «кушать» – это контур губ с гортанью и перед ними небольшая миска, как будто собираются из нее что-то пить.

Она закончила писать и стала перекладывать на длинном столе другие бамбуковые дощечки с иероглифами. На днях Чэн Сун принес ей из книжной лавки увлекательные народные сказания, каждый листок в них ограничивался в ширину тремя цунями, а в длину был четыре-пять цуней, не слишком ровной поверхности, на них все еще были заусенцы, – простой народ торговал подобным на улице, использовались, разумеется, не такие отшлифованные до блеска бамбуковые дощечки как в резиденции. Откуда же было знать самой Шаошан, что рассматривая их, ей все более и более будет нравиться то, что она видела, потому что в них она узнавала почти девяносто пять процентов иероглифов.

А также из-за этого на сердце набежала тень.

Вот, например, каллиграфическая пропись, классическая литература, родословные, даже среди ученых, врачей, конфуцианцев, большей частью были распространены эти своеобразные рисунки, подобные иероглифам; однако то, что циркулировало в народе, ведь даже мелкий чиновник вел дела в то время, используя народные иероглифы, было иным. Получается, что хорошо ей знакомое начертание иероглифов стало очень популярным, но применять их стали повсеместно уже позднее. И такое начертание иероглифов пусть даже отделялось некоторым временем и местом, все же она посчитала, что народ всей страны может автоматически и беспрепятственно переключиться на него. Вот только ей все же нужно всерьез обучиться прошлой своеобразной письменности, как-никак читать соответствующие литературные труды необходимо.

Шаошан вздохнула, воодушевившись, продолжила далее выводить слова на бамбуковой дощечке. Рядом А-Чжу с любовью во взгляде смотрела на нее, заодно стоя сбоку от печи, сушила у огня бамбуковые дощечки. В ту эпоху, в качестве материалов для письма обычно использовались куски материи, шелковая ткань, парчовый атлас, вплоть даже до медной утвари, только наиболее популярными все же были дерево и бамбук. Госпожа Сяо бережливо вела домашнее хозяйство, не разрешала детям роскошь и расточительство, по этой причине Шаошан тренировалась в написании иероглифов на кусках бамбуковых дощечек из-за того, что все записанное позже смывали, а после хорошо просушивали у огня и использовали повторно, продевая сквозь них пеньковую веревку и продолжали писать на них. Для удобства смыва использовались чернила – пепельно-серую смолу смешивали с отрубями и крахмалом, конечно, они были ароматными, но недостаточно черными и блестящими, и потому Шаошан еще сильнее дорожила, как сокровищем, подаренным ей Чэн Юном куском туши высокого качества.

Госпожа Сяо была такого рода BOSSом, который интересуется результатом, а не затраченными усилиями, а потому такого вида отговорки «ты знаешь, как она много делает» для нее были абсолютной чепухой.

В этот день Чэн Ши встал с петухами. Госпожа Сяо заново и очень удобно распланировала на переднем дворике учебный плац, поэтому помахав сто раз большим мечом, он затем вытащил из теплой постели двух все еще спящих младших братьев, завел разговор, что стоит пойти разыскать старшего брата Сан-ши, Сан Юя – «вспомнить старую дружбу». Едва услышав об этом, Чэн Чэн после умывания холодной водой, с суровым выражением на лице вышел наружу, но Чэн Чжи был недоволен, думая, что он все эти годы часто видел своего старшего шурина, откуда бы появиться воспоминаниям о старой дружбе? Само собой, он сегодня думал нарисовать жене брови по форме, наиболее популярной в столице, но после того, как Чэн Ши гневно просверлил его взглядом, он отреагировал и подошел, и видя радостное лицо второго старшего брата, ничего другого ему не оставалось как сопровождать их.

Матушка Чэн все еще страдала от похмелья, даже если и допустить, что она проснулась, вероятно, весь день будет как сонная. Госпожа Сяо увела за собой Чэн Ян, чтобы распределить сегодняшние дела между слугами – в сущности, всегда ведущая домашние дела главная жена совсем не была обязана вникать во все мелочи, но она делала это специально ради обучения Чэн Ян.

Сан-ши собственноручно приготовила немного закусок к чаю, собрала в одно место своих троих маленьких детей, а также двух подростков – Чжу и Оу, спокойно рассказала детям небольшую историю, к тому же втянула их в попутно в развлечение, заучивая наизусть детские песни.

В другой стороне Чэн Юн собирался уйти, чтобы нанести визит соученикам своего наставника. Чэн Сун сказал, что скорее всего всех конфуцианцев император пока не отпустил, лучше уж пойти навестить дядюшку Вана и выпросить у него немного вина, оба брата уперлись и стояли каждый на своем, в результате третий младший брат принес гадание по гексаграммам. Чэн Шаогун как раз вытащил черепаший панцирь, чтобы погадать на монете, но прежде, чем он, считая на пальцах, вычислил стороны света, как некое возмездие за содеянное в предыдущем воплощении прибежала служанка матери, сказав: «Госпожа Сяо вызывает трех молодых господ в главный зал госпожи!». И все три брата остолбенели.

Чэн Юн вздохнул:

–Вы, где опять допустили промахи?

Чэн Сун сильно разозлился:

–Я должен был учитывать все вместо того, чтобы заниматься гаданиями! Куда бы мы не пошли сегодня – где угодно было бы лучше, чем упорно торчать дома!

Чэн Шаогун напротив сказал сопровождавшим его слугам:

–Идите быстро и пригласите прийти третью тетюшку, – вчера только что прошел Чжэндань, а

госпожа Сяо все равно собирается поучать других, очевидно, это не какая-то мелочь, и было бы безопаснее пригласить дружелюбную третью тетюшку.

Местожителство братьев располагалось довольно далеко от зала «Росток тростника в девятый зимний день», где проживала госпожа Сяо, по этой причине они пришли самыми последними. Приближаясь к зале издали, сквозь широкое крытое крыльцо, они увидели, что на самом почетном высоком месте в центре залы сидит госпожа Сяо, рядом с правой и с левой стороны сидят пришедшая рано Сан-ши и охваченная сильной тревогой госпожа Цин Ли, Чэн Ян, склонившая низко голову, с опустившей голову кормилицей сидят на коленях с левой стороны, и довольно оригинальна была Шаошан, она вопреки ожиданиям сидела на коленях в одиночестве на менее почетной позиции – внизу посредине – неужели героями сегодняшнего дня являются не они?

Прежде чем войти в дверь, в тот самый момент они услышали, как госпожа Сяо в ярости спрашивает у Шаошан:

–...ты стала любительницей скандалов! Вначале я ошибочно полагала, что ты только лишь невежественная девчонка, но не ожидала, что ты окажешься еще и мелочной, страстно желающей чужих вещей!

Шаошан действительно чувствовала себя растерянной:

–Матушке следовало бы выражаться яснее. Сегодня я с самого утра и до настоящего времени без перерыва занималась каллиграфией, я даже за дверь ни разу не вышла, что я была способна сделать?

Сан-ши сказала с улыбкой:

–Эх, да и я не понимаю в чем дело. Собственно, я думала пригласить тебя отведать приготовленные мной конфеты с лепешками на пару, однако не предполагала... – в душе она очень ругала Чэн Шаогуна, она не ясно поняла переданное сообщение и растерялась на мгновение, не зная что сказать далее.

Госпожа Сяо задала вопрос Шаошан:

–Как ты могла отнять силой вещь у своей кузины?

А затем повернувшись к Сан-ши, сказала:

–Ты не знаешь, но сегодня я, закончив заниматься общими делами с Ян Ян, приняла ее приглашение отдохнуть в ее комнатах, откуда же я знала, что в то время увижу, как слуги этого моего наказания скандалят и оскорбляют людей Ян Ян, и хотят отнять письменный стол из сандалового дерева!

Чэн Юн за дверью и Шаошан внутри удивились вместе – письменный стол?!

При этих словах служанка госпожи Цин Ли уже привела за собой с женской половины пять-шесть служанок с разбитыми физиономиями в кровоподтеках и синяках, все сразу же заняли свое место в зале, у стоявшей перед ними Ляньфан косметика на лице была размазана, волосы спутаны, подол разорван на куски, а все лицо к тому же в соплях и слезах.

Шаошан сказала с улыбкой:

-Сегодня утром я только велела тебе перенести подаренный старшим братом письменный стол и выделила тебе несколько рабочих рук для этого, что же случилось с тобой? Ты пошла грабить меняльную лавку?

Сан-ши с большим интересом посмотрела на нее – немногие люди могут выдержать безудержный гнев госпожи Сяо, а эта крохотная девочка сохраняет завидное спокойствие.

Госпожа Сяо выслушала ее слова и в изумлении спросила:

-Это тот письменный стол подарил тебе Цзису?

Не ожидая, пока Шаошан начнет говорить, сидящая рядом с Чэн Ян кормилица заговорила первая:

-Возможно, старший молодой господин и подарил четвертой молодой барышне письменный стол, однако тот письменный стол из сандалового дерева вряд ли он.

Ляньфан, нервничая и плача, сказала:

-Это и есть тот письменный стол, это именно он и есть!

Тогда кормилица, улыбаясь, сказала:

-Раз уж старший молодой господин подарил четвертой молодой барышне, как же он оказался у нашей княжны? Это же и не по пути даже.

Лицо сидящей сбоку Чэн Ян вспыхнуло в волнении, она прошептала:

-Кормилица, ничего не говори, ничего не говори.

Ляньфан, волнуясь, сказала:

-Это Чанпу попросила перенести меня его туда!

Кормилица, смотря на нее со злобой, вымолвила:

-Что за вздор! Вы только что ударили Чанпу по голове, она потеряла сознание и еще не очнулась, ты же попросту сваливаешь это преступление на ее голову?

Шаошан видя, что Ляньфан также сильно пострадала, левый глаз покраснел и опух, щеки горели красным, а ее дикция была совсем невнятна, сказала с улыбкой:

-Все очень просто, пусть старшая двоюродная сестра осмотрит тот письменный стол и скажет – верно ли он ее, разве не ясно?

Кормилица закатила глаза, сказала, улыбаясь:

-Четвертая молодая барышня не знает. В то время, когда мы вернулись из семьи Гэ, мы купили так много вещей, так много, что даже наша княжна вряд ли их сможет узнать.

Чэн Юн за дверью более не смог это выносить, поэтому он громко сказал:

-Тогда пусть принесут его сюда, я его осмотрю и пойму мой ли это письменный стол, в конце концов все же я смогу его узнать! – и широкими шагами вошел в главный зал.

Кормилица пришла в ужас, не предполагая, что во внутреннем дворе будут разбирательства между двоюродными сестрами, не могла и подумать, что госпожа Сяо вызовет и троих своих сыновей. Она ведь не знала, что прежде госпожа Сяо привыкла делать внушение одному сыну в присутствии остальных сыновей, чтобы они наблюдали, таким образом показывая проступок одного, чтобы прочие не допускали его повторения, и это давало великолепный эффект. Госпожа Сяо уже уняла свой гнев и, взмахнув рукой, велела сыновьям сесть в соответствии с рангом с правой стороны.

Чэн Юн занял свое место вместе с остальными и, немедленно сложив руки в знак почтения, сказал:

-Матушка, я в самом деле подарил Няоня свой письменный стол, это именно тот стол, который учитель подарил твоему сыну, из сандалового дерева с резьбой в виде голов цилиня, Вы его видели. Лучше пусть письменный стол принесут сюда, чтобы все его увидели, в таком случае все будут знать, где правда и где ложь, и где несправедливые перегибы.

Выражение лица у госпожи Сяо было немного нерешительным, госпожа Цин Ли задумалась и, тихо поднявшись, вышла.

Кормилица, оценив неверно сложившуюся обстановку, поторопилась сказать со смехом:

-Есть ли голова цилиня? Ой-ой-ой, эта служанка действительно заслуживает смерти, в то время как раз поднялась суматоха, я не могла внимательно и подробно рассмотреть, есть ли вырезанная голова цилиня, в таком случае старший молодой господин бесспорно прав. Однако из-за чего он оказался у нас? Уж не... – она искоса взглянула на Ляньфан, – уж не потому ли, что эта подлая служанка с умыслом принесла письменный стол, чтобы кичиться перед княжной нашей семьи?

Чэн Юн подумал про себя, что эта кормилица очень коварна.

Ляньфан, рыдая в голос, сказала:

-Это не так, не так! Именно Чанпу позвала меня, когда мы проходили мимо! И это ошибка

служанки, служанка проявила своеволие! Служанка собиралась похвастаться от всего сердца, кто же знал, что неожиданно служанка столкнется с людьми, обманувшими ее!

Чэн Юн холодно сказал:

-Является ли это хвастовством или все же обманом, почему бы просто не позвать служанку Чанпу и сразу же все узнаем.

Кормилица заискивающе сказала:

-Старший молодой господин, Чанпу упала в обморок и еще не пришла в себя...

Чэн Сун, сильно разозлившийся к этому времени, воскликнул:

-Ты смотри, некую мелкую подлую служанку нельзя тронуть! Полейте ее водой, сожгите огнем, отрубите ей два пальца и посмотрим, как у нее все еще будет кружиться голова!

Госпожа Сяо ударила кулаком по столу и отругала его:

-Что ты раскричался или ты велишь мне повиноваться? – пусть она в ярости и кричала, однако про себя она уже поняла, что в этом деле скрыто что-то еще, мельком взглянув на сидящую на коленях с левой стороны внизу Чэн Ян, не находившую себе места от волнения, она почувствовала к ней жалость, госпожа Сяо не оставляла мысли, что нельзя заставить этого скромного ребенка испытывать несправедливую обиду.

В это время вернулась назад госпожа Цин Ли, позади нее еле шла служанка с мокрым подолом платья, это и была Чанпу.

Пусть ее и звали Чанпу*, однако эта служанка наоборот имела самую сердечную наружность, к тому же все ее лицо было исполнено доброты, хотя и смотрела она на всех безучастно, напротив Ляньфан родилась изящной и умной, откуда же ей было знать, что она выступит в роли свиньи на закланье и ей закусит тигр. Чанпу бухнулась на колени и поспешно рассказала все как есть, Ляньфан вмешивалась в разговор, добавляя, и все присутствующие в итоге узнали детали...

*艾草 chāngrú или Аир обыкновенный. Аир широко применялся в Китае еще с древних времен и в кулинарии, в виде сладостей, и в традиционной медицине. Высушенное корневище аира можно использовать в качестве лекарства. Аир – это и духовная трава, которая может предотвратить эпидемии и изгнать злых духов в традиционной китайской культуре. Со времен династий Тан и Сун были популярны посадки аира, использовали его и в качестве подношения на столе, и вместе с орхидеями, нарциссами и хризантемами он входил в «Четыре элегантных цветка и растения».

Также можно обратить внимание на то, что автор новеллы всем главным взрослым женским персонажам дал “ботанические имена”. Например, родовое имя госпожи Сяо 蕭 xiāo в переводе – полынь, чернобыльник; родовое имя госпожи Сан – 桑 sāng – тутовое дерево, шелковица; родовое имя госпожи Гэ 葛 gē – пуэрария волосистая (сорная трава в Китае), и даже имя

госпожи Цин Ли можно перевести, как зеленая сорная трава. Переводчику кажется, что таким образом автор пытался более четко охарактеризовать персонажи: “горькая” госпожа Сяо, “сладкая” Сан-ши, “никчемная” Гэ-ши. Таким образом, имя Чанпу противопоставляется ее характеру, по имени ее характер должен “защищать, предотвращать”, а на самом деле все наоборот.

Оказывается, сегодня с самого утра Ляньфан, командуя четырьмя-пятью сильными служанками, отправилась на передний двор, где проживал старший молодой господин за письменным столом, и, находясь уже где-то на полпути назад, они столкнулись с Чанпу. Ляньфан нравилось слушать, а Чанпу нравилось спрашивать, первой нравилось хвалиться тем, что она ходит в любимицах у собственной княжны, вторая сразу же, втираясь в милость, сказала: «Княжна нашей семьи также думает найти новый письменный стол, не знаю, можно ли позвать ее, пусть она посмотрит на его стиль». Захваленная Ляньфан парила в воздухе, а в результате наступила на раковину.

В то время, когда они пришли в дом к Чэн Ян, она неизвестно где находилась, Ляньфан тогда сразу же подумала вернуться назад, откуда же ей было знать, что Чанпу, подозревая больше десятка служанок, которые окружают их со всех сторон, скажет с улыбкой: «Лучше уж стол оставить, чтобы наша княжна осмотрела его, а после этого мы возвратим его обратно», разве могла Ляньфан на такое согласиться? В результате чуть-чуть не сойдясь во мнениях, обе стороны сразу же с грохотом стали драться, опрокинув столы и стулья и несколько столиков в придачу, все было перевернуто вверх дном, повсюду заляпано кровью, и как раз тогда госпожа Сяо и застала их за поличным.

–Стало быть, не Няоня хотела отнять у Ян Ян какую-то вещь, а Ян Ян желала захватить у Няоня эту вещь? – холодно сказал Чэн Шаогун.

Госпожа Сяо немедленно сказала:

–Зачем ты вмешиваешься!

Чэн Ян расплакалась, промолвив:

–Это все моя вина, вот в чем оказывается причина, я не знала. Старшие братья и Шаошан, извините меня, – и с этими словами одновременно перед всеми присутствующими стала беспрерывно кланяться.

Госпожа Сяо сказала:

–Ты была со мной с самого утра вместе, как это тебя касается?

Чэн Сун рассерженно сказал:

–Няоня тоже с самого утра без перерыва занималась каллиграфией, матушка, почему же... – не дав договорить фразу, Чэн Юн схватил и крепко прижал его руку, подавая знак, глазами замолчать.

Госпожа Сяо задумалась на какое-то время, испуская облегченный вздох, медленно сказала:

-Служанки с обеих сторон – виноваты, и именно потому, что они самовольничали! Чанпу, была ли идея завладеть вещью желанием Ян Ян или это ты самостоятельно пожелала?! Ляньфан, Няоняо велела тебе перенести стол, и ты должна была только перенести стол, для чего было бродить вокруг! Именно ты стала причиной всех этих неприятностей, и ты заслуживаешь наказания!

Весьма ловкая кормилица торопливо вылезла вперед, отбивая земные поклоны и говоря:

-Госпожа верно сказала, именно потому, что нас не наставляли так строго, так и произошло, но позже мы хорошенько всех наставим, – кроме того, вытянув Чэн Ян вперед одним махом, и та сразу же также поспешно сказала: – Прошу тетушку извинить, это я не уследила за ними...

Госпожа Сяо сказала теплые слова, успокаивая ее несколькими фразами, Чэн Ян плача просила несколько раз извинения, очевидно, что атмосфера вокруг постепенно стала смягчаться, и все недовольство можно было отбросить; госпожа Сяо посмотрела на свою дочь, как вдруг увидела, что Шаошан, поникнув головой, все еще сидит на коленях посреди зала, не проронив ни слова, не понимая о чем та думает.

Госпожа Сяо в душе была недовольна, поэтому холодно фыркнула. Трое братьев семьи Чэн немедленно повернулись к младшей сестре, подавая знаки, веля ей также поплакать в голос, в двух словах сказать общепринятые выражения, досадно, опустившим голову людям невозможно увидеть выразительные взгляды. И Чэн Шаогун торопливо шепотом позвал: «Шаошан!»

Шаошан, как будто только что очнувшись ото сна, подняла голову и ничего не понимающим взглядом посмотрела на окружающих людей. Фактически же присутствующие не знали, что она только что не находилась в оцепенении, а обдумывала одну серьезную проблему...

Должна ли она молча терпеть свой рок, мучивший ее как ядовитые стрелы, или же яростно сопротивляться миру бесконечных страданий? Должна ли она быть подобна Чэн Ян и тихо плакать и плакать, прося прощения и рассказывая всем, что это ее вина, уходя от ответственности, предоставляя госпоже Сяо испытывать удовлетворение, или же ни в коем случае не следует опускать голову и непременно искать для себя справедливости?

Она выбрала третий путь. Путем справедливости идти опасно, лучше быть честной!

Автору есть что сказать:*

Госпожа Сяо — самоуверенный человек. Ее заботит не кровное родство, а воспитание. Шаошан воспитывала подлая Гэ-ши, а Чэн Ян воспитывала благородная тетя Гэ, поэтому она, естественно, думает, что у первой есть проблемы с характером и их нужно исправлять, а вторая заслуживает доверия и дружелюбна. Конечно, это было также из-за прежней ее дружбы с тетей Гэ.

*переводчик не переводит авторские высказывания, но иногда, когда они будут касаться персонажей, и “почему, собственно, автор написала так, а не иначе”, авторские высказывания

переводится будут.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2909548>